

18+

Александра Бакушкина

На грани

Александра Бакушкина

На грани

«Издательские решения»

Бакушкина А.

На грани / А. Бакушкина — «Издательские решения»,

«На грани» — психологическая антиутопия о праве на несовершенство в мире победивших фильтров. Лена — молодая художница, чьи веснушки и «неправильные» черты лица не вписываются в стандарты агрессивного проекта «NewYou». Когда её лучший друг Алекс становится идеальным лицом корпорации, теряя при этом память и самого себя, Лена находит дневник бабушки из 1985 года. Это история о борьбе за право быть настоящим, о силе памяти и о том, что красота — это не отсутствие изъянов, а смелость их принимать.

© Бакушкина А.

© Издательские решения

Содержание

РОМАН «НА ГРАНИ»	6
Глава 2. Новый тренд	8
Глава 3. Настя	11
Глава 4. Бабушкин дневник	14
Глава 5. Первое испытание	18
Глава 6. Подготовка	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

На грани

Александра Бакушкина

© Александра Бакушкина, 2026

ISBN 978-5-0069-7938-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РОМАН «НА ГРАНИ»

Глава 1. Крыша и закат

Оранжевое солнце медленно сползло за горизонт, окрашивая верхушки деревьев и стеклянные крыши гаражей в тёплый, медовый цвет. Лена сидела на краю крыши своей пятиэтажки, беспечно болтая ногами в воздухе. В руке у неё остывала шаурма, купленная у дяди Ахмеда, — их с Алексом традиционный ритуал после школы.

— Мне кажется, я на самом дне, — сказала она, не глядя на друга. — Знаешь, как говорят англичане?

— Как? — Алекс откусил огромный кусок, с трудом сохраняя серьёзное лицо.

— At my low.

Он замер, прожевал и выдал с максимально пафосной интонацией:

— Это типа «depresso», только для одного?

Лена фыркнула, потом рассмеялась — сначала тихо, а потом так, что с крыши, наверное, было слышно на весь двор. Алекс довольно захлопал в ладоши, изображая бурные аплодисменты самому себе.

— Умеешь ты весь пафос ситуации выкачать за одну секунду, — сказала она, уже улыбаясь по-настоящему.

— Это мой суперспособ, — подмигнул Алекс. — Лена-Несмеяна, твой выход!

Она толкнула его плечом, но беззлобно. С Алексом было легко. Он понимал её с полуслова, а главное — никогда не лез в душу, если она не хотела открываться. Они дружили с седьмого класса, и за три года стали не разлей вода.

Внизу, во дворе, уже зажигались фонари. Городок, из которого мечтали уехать почти все их одноклассники, казался сейчас с высоты уютным и почти игрушечным. Лена любила этот вид. Здесь, на крыше, можно было думать о чём угодно: о будущем, о красках, о том, как передать в рисунке этот самый закат — полумаковый, тягучий, чуть грустный.

— Лен, — Алекс вдруг стал серьёзным, — а ты правда на дне? Из-за чего?

Она пожала плечами.

— Сама не знаю. Всё как-то... серая масса. Рисунки не радуют, в школе одни и те же лица. И ещё эта дурацкая идея с фестивалем.

— А что с фестивалем?

— Учительница сказала, что от нашего класса нужен стенд. Я предложила поэзию, а надо мной посмеялись. Говорят, поэзия умерла, сейчас другие времена. Тренды, блогеры, всё такое.

Алекс хмыкнул. Он как раз был тем самым блогером — в прошлом году его признали «Самым обаятельным культурным деятелем года» по версии журнала «Fifteen». Лена тогда хохотала над формулировкой, но гордилась другом.

— Тренды — это работа, — сказал он. — А поэзия — это душа. Просто они не понимают.

— Ты понимаешь?

— Я понимаю тебя. Этого достаточно.

Лена посмотрела на него. В закатном свете его лицо казалось особенно тёплым, родным. Иногда она ловила себя на мысли, что чувствует к нему что-то большее, чем дружбу, но сразу же загоняла это чувство глубоко внутрь. Нельзя рисковать тем, что есть.

— Слушай, — встрепенулся Алекс, — а давай завтра сходим к Ахмеду за новой порцией, и ты покажешь мне свои наброски про закат? Я в них ничего не понимаю, но посмотрю.

— Обязательно, — улыбнулась Лена.

Они ещё долго сидели на крыше, болтая о ерунде. Солнце почти скрылось, когда в кармане у Алекса завибрировал телефон. Он глянул на экран, и его лицо изменилось — появилось то самое выражение, которое Лена называла «режим блогера».

— Что там? — спросила она.

— Да так, в школе новости. Завтра будут агитаторы от какого-то научного проекта. Что-то про улучшение внешности, самовыражение... Короче, велели всем быть в актовом зале. Интересно же!

Лена почувствовала лёгкий укол тревоги.

— Улучшение внешности? Звучит как очередная диета.

— Ну, не знаю. Может, что-то стоящее. — Алекс уже листал ленту в телефоне. — Там молодые учёные, стартап. Говорят, уже несколько школ подключилось.

Он встал, отряхнул джинсы.

— Ладно, мне пора. Завтра увидимся. И не кисни, Ленка! Ты у нас самая настоящая, без всяких улучшений.

Он чмокнул её в макушку и направился к пожарной лестнице. Лена осталась одна. В наступивших сумерках крыша казалась островком тишины. Она достала из рюкзака блокнот и карандаш и попыталась набросать линию горизонта, но мысли упрямо возвращались к словам Алекса: «улучшение внешности», «молодые учёные», «стартап».

Что-то подсказывало ей: эта новость изменит больше, чем кажется.

Она закрыла блокнот и посмотрела на тёмное небо. Первые звёзды зажигались робко, неуверенно. Лена вспомнила слова мамы: «Красота — это когда ты светишься изнутри». Интересно, что сказали бы эти учёные?

Дома её ждал сюрприз. Разбирая старые книги на антресолях по просьбе мамы, Лена наткнулась на потёртую тетрадь в бархатной обложке. На первой странице красивым почерком было выведено: «Дневник. Елена Орлова. 1985 год».

Лена ахнула. Это был дневник её бабушки, тёзки, о которой в семье ходили легенды. Бабушка умерла, когда Лена была маленькой, и о ней почти не говорили — слишком больно было маме. Но Лена знала, что бабушка писала стихи.

Она осторожно открыла тетрадь. Пожелтевшие страницы пахли стариной. Первые записи были обычными — школа, подруги, первая любовь. Но потом Лена наткнулась на странную фразу: «Сегодня видела его снова. Он говорит, что может сделать меня прекрасной. Но разве я не прекрасна? Мама говорит, что красота в душе. А он смеётся. Говорит, что душа не видна. А если изменить лицо — увидят все. Я боюсь и... хочу».

Лена перечитала несколько раз. Сердце забило быстрее. Неужели бабушка тоже стояла перед таким выбором?

Она перевернула страницу. Дальше шли стихи, и среди них одно было подчёркнуто красным. Оно называлось «Секретное». Лена прочла первые строки:

Не верь, что лик твой — лишь обложка,

Что можно смыть и переплести.

Твоя душа — в тебе окошко,

Её от мира не спасти.

Лена замерла. По коже побежали мурашки. Она вдруг почувствовала невероятную связь с бабушкой, словно та стояла за плечом и шептала: «Будь собой».

За окном зажглись окна соседнего дома. Лена закрыла дневник и прижала его к груди. Завтра в школе начнётся что-то новое. И, возможно, эти старые страницы помогут ей найти ответы.

Глава 2. Новый тренд

Утро вторника началось с того, что Лена чуть не проспала школу. Дневник бабушки пролежал под подушкой всю ночь, и девочке снились сплошь странные сны: люди в белых халатах, рисующие лица, и Алекс, который смотрел на неё совершенно чужими глазами.

В школу она влетела за минуту до звонка, на ходу жуя яблоко. В коридорах было непривычно шумно. Возле расписания толпился народ, и над головами учеников так и вился возбуждённый гул.

— Ленка, ты видела? — Катя подскочила к ней, сверкая глазами. — Там такие ребята приехали! В смысле, не ребята, а... ну, молодые учёные. Они в актовом зале стенд поставили!

— А, это про то самое, — Лена вспомнила вчерашние слова Алекса. — Про улучшение внешности?

— Не просто улучшение! — Катя затараторила, хватая подругу под руку и таща к актовому залу. — Это целая программа. Они анализ кожи делают, типа диагностику, и потом рекомендации. Говорят, можно стать лучшей версией себя!

В актовом зале яблоку негде было упасть. На сцене, где обычно выступал хор или проходили линейки, теперь красовался белый стенд с подсветкой, логотипом «NewYou» и рядом ноутбуков. За столами сидели двое — парень и девушка, чуть старше самих школьников, в одинаковых футболках с надписью «Наука на страже красоты». Парень что-то увлечённо объяснял толпе девятиклассниц, которые тут же, на месте, заполняли какие-то анкеты.

Лена увидела Алекса. Он стоял в первом ряду, скрестив руки на груди, и внимательно слушал. Рядом с ним вертелся Игорь, который, кажется, пытался шутить, но Алекс даже не оборачивался.

— ...наша методика основана на комплексном подходе, — вещала девушка-учёный с идеально гладкими волосами и такой безупречной кожей, что она казалась пластиковой. — Мы не просто предлагаем диеты или макияж. Мы работаем с глубинными установками. Сначала компьютерная диагностика выявляет зоны роста, потом — индивидуальный план. Хотите попробовать?

Она улыбнулась Алексу. Тот кивнул и шагнул к ноутбуку.

— Алекс! — не выдержала Лена. Она протолкалась поближе. — Ты чего?

Он обернулся, и в его глазах горел тот самый азарт, который появлялся, когда он брался за новый блогерский проект.

— Лен, это прикольно. Просто тест. Без обязательств.

— Тест на что?

— На гармоничность образа, — вмещалась девушка-учёный, окинув Лену быстрым оценивающим взглядом. — Ваш друг, судя по первым данным, обладает высоким потенциалом влияния. Мы можем помочь ему раскрыться.

— Он и так раскрытый, — буркнула Лена.

Но Алекса уже усадили перед веб-камерой. На экране побежали какие-то линии, замеры, графики. Девушка что-то щёлкала мышкой, и через минуту выдала результат:

— Семьдесят два процента гармонии с внешним образом. Хороший показатель. Но есть резервы: линия подбородка, лёгкая асимметрия бровей. Тривиальные вещи, но, если их скорректировать — визуальная привлекательность вырастет минимум на пятнадцать процентов. Это сотни тысяч новых подписчиков, Алекс.

Он аж подался вперёд.

— И что, прямо сейчас можно?

— Коррекция требует времени, — улыбнулась она. — Но первые шаги — да. Например, наш партнёр предлагает курсы микроплазмы для улучшения тонуса кожи. Безболезненно,

быстро. А для начала — бесплатный мастер-класс по позированию и самоподаче. Сегодня, в шесть, в нашем центре.

Алекс взял у неё визитку.

Лена молча развернулась и пошла к выходу. Катя догнала её в коридоре.

— Ты чего злая? Нормальная же тема. Я тоже записалась на диагностику, чисто по приколу.

— Кать, ты серьёзно? — Лена остановилась. — Они же людей как пластилин месят. «Линия подбородка», «асимметрия»... У Алекса нормальный подбородок! Он всегда себе нравился!

— Ну, может, он хочет нравиться не только себе, но и, — Катя сделала многозначительные глаза, — кому-то ещё?

Лена почувствовала, как краснеет.

— Ты о чём?

— Да ладно тебе, Лен. Я же вижу, как ты на него смотришь. И он на тебя, кстати, тоже. Только вы оба дурака включаете. А если он станет суперкрасивым, вдруг на тебя внимание обратит?

— Это не про внешность, — отрезала Лена и почти убежала на урок.

Весь день она не могла сосредоточиться. Перед глазами стояла улыбка девушки-учёного, её пластиковое лицо и графики на экране. А ещё — глаза Алекса, которые загорелись, когда он услышал про «новых подписчиков».

После уроков она нашла его на крыльце. Он стоял в компании Игоря и... Насти. Той самой новенькой, которая училась в параллельном классе и уже успела навести шороху. Настя была яркая: рыжие волосы, идеальный макияж, джинсы с такой высокой талией, что они, казалось, начинались у подмышек. Она что-то рассказывала, и Алекс смеялся.

Лена замерла в дверях.

— О, Ленка! — Игорь заметил её первым. — Иди к нам. Настя тут про этих учёных рассказывает. Она уже сходила на диагностику.

— И как? — спросила Лена, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Огонь, — Настя стрельнула в неё глазами. — Сказали, что у меня девяносто процентов гармонии. Это почти максимум. Но можно ещё подтянуть скулы. Я записалась на курс.

— Поздравляю, — выдавила Лена.

Алекс посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло что-то знакомое — будто он вспомнил, что они вообще-то друзья.

— Лен, ты вечером как? Может, к Ахмеду? Я к шести как раз освобожусь после мастер-класса.

— После какого мастер-класса?

— Ну, от этих, от «NewYou». Схожу, послушаю. Чисто из интереса.

— Алекс, ты серьёзно? — не выдержала Лена. — Ты им поверил? Они же цифры с потолка берут! «Потенциал влияния», «асимметрия бровей» — это же маркетинг!

— Лен, успокойся, — он нахмурился. — Я просто схожу и послушаю. Что в этом такого?

— То, что ты уже сейчас выглядишь как... как человек, а не как картинка!

— А может, я хочу быть картинкой? — вдруг резко ответил Алекс. — Может, мне надоело, что на моём канале стагнация, а такие, как Настя, собирают лайки пачками просто потому, что у них «девяносто процентов»?

Настя довольно улыбнулась.

— Я не говорила, что это единственная причина, — пропела она. — Но, знаешь, приятно, когда твоя внешность работает на тебя.

Лена посмотрела на Алекса. В его глазах она увидела не азарт, а усталость. Или ей показалось?

— Ладно, — тихо сказала она. — Иди на свой мастер-класс. А я, наверное, тоже пойду. Рисовать.

Она развернулась и быстро зашагала прочь, сжимая в рюкзаке бабушкин дневник. Сегодня он казался ей единственным настоящим предметом в целом мире, который вдруг сошёл с ума, пытаясь жить лишь чужими стандартами.

Дома она открыла тетрадь на закладке с причудливым вензелем в форме кустовой розы. Бабушкин почерк струился на страницы нервным, торопливым потоком:

«Он сказал, что я могу стать прекрасной. Достаточно только захотеть. И заплатить. Но я смотрю в зеркало и не понимаю — что во мне не так? Почему они все бегут за этой мечтой? Подруга уже записалась на процедуры. Говорит, что после них замуж возьмут. А я не хочу, чтобы меня брали за исправленное лицо. Я хочу, чтобы видели меня. Но так страшно остаться одной...»

Лена закрыла дневник и посмотрела в окно. Закат снова был оранжевым, но сегодня ей не хотелось на крышу. Она включила ноутбук и зачем-то зашла на страницу Алекса. Последний пост набрал три тысячи лайков — для него это было мало. Под постом висела реклама: «Хочешь больше? NewYou — твой путь к идеалу».

Лена захлопнула крышку.

«Бабушка, — подумала она, — что же мне делать? Ты смогла устоять? Или все-таки пожалела после судьбоносного решения?»

Ответа не было. Только ветер шуршал ветвями берез за окном, да где-то вдалеке залаяла собака.

А в это время в центре «NewYou», в белом кабинете с мягким светом, Алекс сидел перед зеркалом, а девушка с идеальной кожей водила пальцем по его лицу, показывая на экране, как он будет выглядеть через месяц.

— Всего несколько сеансов, — шептала она. — И вы станете лучшей версией себя. Узнаваемой, востребованной, любимой.

Слово «любимой» зацепило.

Алекс сглотнул и кивнул.

Глава 3. Настя

Утром Лена проснулась с тяжёлым чувством. Вчерашний вечер она провела за рисованием, но из-под карандаша выходили какие-то кривые, непривычно злые линии. Портрет Алекса, который она начала неделю назад, так и остался лежать в папке, так и сквозя недорисованными глазами. Пустыми, безжизненными.

«Сама, как зомби», — подумала Лена, разглядывая своё отражение в ванной. Тёмные круги под глазами, взъерошенные волосы. Она скорчила рожу, попыталась улыбнуться — вышло кисло.

— Лена, ты опять не позавтракаешь? — крикнула мама из кухни.

— Я в школе поем!

Она схватила рюкзак и вылетела за дверь. В кармане куртки нащупала бабушкин дневник — девочка носила его с собой повсюду, словно свой личный талисман.

В школе с утра было подозрительно тихо. Лена даже удивилась: обычно в коридорах второго этажа толклись старшеклассники, но сегодня — ни души. Зато из актового зала доносились музыка и чей-то бодрый голос.

— Там что, снова эти? — спросила Лена у пробегающей мимо Кати.

— Ага! — Катя сияла. — Сегодня открытая презентация для всех желающих. И Настя там! Она уже в волонтеры записалась. Пойдём скорее!

Лена поплелась за ней, хотя ноги отказывались нести её в этот белый кабинет с пластиковыми людьми.

В зале яблоку негде было упасть. На сцене стоял проектор, и на экране мелькали фотографии «до и после». Лена с отвращением заметила, что «после» все выглядели одинаково: накачанные губы, гладкие лбы, одинаковые улыбки.

Алекс сидел в первом ряду. Рядом с ним — Настя. Она что-то шептала ему на ухо, и он улыбался. Не так, как улыбался Лене на крыше, — а как-то по-новому, заворожённо.

Лена почувствовала, как внутри что-то сжалось.

На сцену вышла та самая девушка-учёный — сегодня она была в облегающем белом платье и выглядела, как ожившая статуя.

— Рада видеть столько заинтересованных лиц! — провозгласила она. — Наш проект «NewYou» уже помог сотням подростков обрести уверенность. Но мы не просто улучшаем внешность. Мы создаём сообщество. Людей, которые идут в ногу со временем. Которые не боятся менять себя.

Зал зааплодировал. Лена оглянулась: глаза одноклассников горели. Даже Катя хлопала, хотя ещё вчера клялась, что ей это «чисто по приколу».

— А сейчас, — продолжала ведущая, — я хочу пригласить на сцену нашего нового друга, который уже сделал первый шаг к себе новому. Алекс!

Алекс встал. Настя подтолкнула его в плечо и хлопала громче всех.

Лена смотрела, как он поднимается на сцену, и не узнавала его. Он был всё тот же — джинсы, футболка, взъерошенные волосы. Но что-то изменилось. Может быть, походка? Слишком уверенная. Или взгляд — скользкий по залу, как по съёмочной площадке.

— Алекс поделится своим опытом, — сказала девушка и вручила ему микрофон.

— Ну, — начал он, — я всегда думал, что у меня всё ок с внешкой. Но когда я увидел реальные цифры, понял: можно лучше. Это как апгрейд компа. Ты же не пользуешься старым телефоном, если вышел новый?

В зале засмеялись.

— И я решил: почему бы нет? Это не больно, не страшно. А результаты... — он развёл руками. — Скоро увидите.

Лена не выдержала. Она резко развернулась и вышла из зала, чуть не сбив кого-то плечом.

В коридоре было пусто и тихо. Только из-за дверей доносились аплодисменты. Лена села на подоконник и уставилась в окно. За стеклом серое небо наливалось дождём.

— Тоже не нравится?

Голос раздался откуда-то сбоку. Лена обернулась. На лестнице стоял парень из параллельного класса — кажется, его звали Денис. Высокий, худой, с копной кудрявых волос, вечно рисовал на полях тетрадей.

— Чего? — не поняла Лена.

— Ну, это всё, — он кивнул на дверь актового зала. — Цирк с конями.

Лена удивилась:

— А ты разве не фанат?

— Я фанат здравого смысла, — Денис подошёл ближе и сел на соседний подоконник. — Они же людям мозги пудрят. «Улучшение внешности». А по факту — просто зарабатывают на комплексах.

— Ты так говоришь, будто знаешь.

— Знаю. Моя сестра попала на такое в прошлом году. В другой школе. Два месяца ходила на эти курсы, потом рыдала, потому что результат не совпал с картинкой. А деньги уже не вернуть.

Лена посмотрела на него с новым интересом.

— И что, никто не жаловался?

— А кому жаловаться? Это же «научный проект», «молодые учёные». Красивая упаковка. — Денис усмехнулся. — Ты Лена? Из «Своих»?

Она кивнула.

— Я так и понял. Твои рисунки в школьной газете видел. Они... настоящие.

Лена смутилась и отвернулась к окну.

— Спасибо.

— Если что, я могу помочь. У меня есть кое-какие материалы про этих «учёных». Распечатки статей, отзывы. Могу поделиться.

— Зачем?

Денис пожал плечами:

— Не люблю, когда людей разводят. Особенно наших.

Из актового зала снова донеслись аплодисменты, и Лена вдруг отчётливо поняла: ей нужно что-то делать. Не сидеть сложа руки, пока Алекс уплывает в этот пластиковый мир, а Настя становится звездой школы.

— Давай, — сказала она Денису. — Встретимся на большой перемене?

— Договорились.

Он улыбнулся и исчез на лестнице так же внезапно, как появился.

Лена вернулась в зал к концу презентации. Алекс стоял в кругу девчонок, которые наперебой задавали ему вопросы. Настя висела на его плече, как рыжий банный лист.

— ...а говорят, у них есть специальный крем, который реально меняет структуру кожи! — щебетала какая-то девятиклассница.

— Не крем, а сыворотка, — поправила Настя. — Я уже заказала. Алекс, а ты что взял?

— Пока консультацию, — ответил он, но глаза его искали кого-то в толпе.

Лена поймала его взгляд и отвернулась.

После уроков она ждала его на крыльце. Алекс вышел в компании Насти и Игоря. Увидев Лену, он на секунду замялся.

— Лен, привет. Ты чего не заходила?

— Я заходила. И вышла.

— Почему?

— Не люблю цирк.

Настя фыркнула:

— Ой, какие мы нежные. Алекс, твоя подруга, кажется, ревнует.

— Я не ревную, — отрезала Лена. — Я просто не понимаю, зачем тебе это. Ты же всегда говорил, что внешность — не главное.

— А я и сейчас так говорю, — Алекс нахмурился. — Это просто... ну, помощь самому себе. Что в этом плохого?

— То, что ты становишься... — Лена запнулась, подбирая слово. — Другим.

— Может, это к лучшему?

Они смотрели друг на друга, и между ними вдруг образовалась пустота, которую раньше никогда не было.

Игорь кашлянул:

— Ребят, может, пойдём к Ахмеду? Мирно пошаурим?

— Я не могу, — Алекс развёл руками. — У меня сегодня съёмка для их сайта. Они хотят сделать серию роликов про меня.

— Конечно, — Лена кивнула. — Удачи.

Она развернулась и пошла прочь, чувствуя спиной его взгляд. Но он не окликнул.

Дома она достала дневник. Руки дрожали, когда она открывала его на том месте, где остановилась вчера.

«Сегодня поссорилась с В. Он говорит, что я завидую подруге, потому что та меняется, а я стою на месте. Может, он прав? Может, я действительно боюсь? Но когда я смотрю на неё, мне становится страшно. Она становится похожей на всех. А я хочу быть собой. Но быть собой — так одиноко в это время...»

Лена перечитала запись три раза. Потом закрыла глаза и попыталась представить бабушку — молодую, растерянную, сидящую в такой же комнате с таким же дневником в руках.

— Ты справилась? — прошептала Лена в тишину, составлявшую ей компанию в этот непростой момент. — Ты осталась собой?

В комнате было тихо. Только дождь барабанил по стеклу.

Лена взяла карандаш и начала рисовать. Не Алекса, не закат — а портрет девушки из прошлого, какой она представляла бабушку. Тонкие черты, большие глаза, в которых светится вопрос: «Кто я?»

Рисунок получался живым. Настоящим.

За окном стемнело, но Лена не замечала времени. Она рисовала, пока рука не затекла, и только тогда отложила карандаш.

На телефоне мигнуло сообщение от Алекса: «Ты злишься?»

Лена посмотрела на экран, потом на портрет бабушки. Потом набрала ответ:

«Нет. Просто переживаю».

Он прочитал, но не ответил.

Ночью ей приснился сон: Алекс стоит на сцене, но вместо лица у него белая маска. Он пытается её снять, но маска будто приросла к лицу окончательно. А Лена смотрит из зала и не может пошевелиться.

Она проснулась в три часа ночи с колотящимся сердцем. Включила свет, открыла дневник на первой странице и написала на полях карандашом:

«Бабушка, помоги мне не потерять его. И себя».

Глава 4. Бабушкин дневник

После вчерашнего разговора с Денисом Лена не могла уснуть до двух ночи. Она всё думала о его словах: «Моя сестра попала на такое в прошлом году». Значит, эта история не такая новая, как представляют ее себе одношкольники Лены. Просто раньше она проходила мимо, не задевала их школу лично.

Утром в субботу мама уехала к тётке в соседний город, и Лена осталась одна в пустой квартире. Дождь за окном моросил, не переставая, и это было лучшее оправдание, чтобы никуда не идти, заварить чай покрепче и наконец-то спокойно прочитать бабушкин дневник, на этот раз целиком и полностью — от корки до корки.

Она устроилась на диване, укутавшись в уютный плед из шерсти альпаки, поставила рядом кружку с чаем и открыла тетрадь.

Первые страницы были лёгкими по содержанию, почти детскими. Бабушка описывала школьные будни, первую любовь — какого-то Серёжу из параллельного класса, спорила с подругой о музыке. Но постепенно почерк менялся, становился более рваным, как будто время так и поджимало автора дневника. Буквы налезали друг на друга, словно бабушка боялась не успеть записать самое главное.

«15 октября 1985 года.

Сегодня в школе выступали какие-то люди из института красоты. Так они себя называют. Говорят, что могут сделать любого человека идеальным. Показывали фотографии — до и после. Честно, после они все выглядят одинаково, но девчонки визжат от восторга. Ленка, моя лучшая подруга (какое совпадение, тёзка!), уже записалась на консультацию. Говорит, что хочет увеличить губы, потому что у неё тонкие, а мальчики любят пухлые. Я спросила: «А если мальчик полюбит тебя за губы, то что потом? Когда они обвиснут?» Она обиделась».

Лена улыбнулась. Бабушка была той ещё язвой.

«20 октября.

Сегодня видела его. Главного. Доктор К., так он просит себя называть. Высокий, в очках, говорит тихо, но так, что все замалкают. Он посмотрел на меня в коридоре и сказал: «У вас интересное лицо. Неправильное. В хорошем смысле». Я не поняла — это что, комплимент или оскорбление? Подруга Ленка теперь ходит за ним хвостом. Говорит, он гений. А у меня от него мурашки по коже. Недобрые».

Лена отхлебнула чай и перевернула страницу. За окном дождь усилился, по стеклу побежали озорные ручейки.

«25 октября.

Ленка изменилась. Всего за неделю. Она похудела, подвела глаза как-то по-новому, губы стали ярче. Говорит, это специальные процедуры, почти безболезненные. Она теперь ходит по школе королевой. Мальчики оглядываются. А я смотрю на неё и не узнаю. Куда делась моя подруга, с которой мы ревели над «Москва слезам не верит»? Куда делись наши разговоры о будущем? Теперь она говорит только о кремах, уколах и о том, что доктор К. обещает ей карьеру модели. Мне страшно. Но, кажется, я одна такая. Совсем одна».

Лена почувствовала, как сердце забилось чаще. Она отложила кружку и впилась глазами в следующие строки.

«2 ноября.

Мама заметила, что я какая-то сама не своя. Я рассказала ей про Ленку и про доктора К. Она вдруг побледнела и сказала: «Держись подальше от этого места. Я слышала про таких докторов. Они не людей лечат, а души калечат». Я спросила, откуда она знает. Она отмахнулась. Но я видела — она что-то скрывает.

А сегодня я случайно зашла в туалет на третьем этаже, где обычно никого нет. И услышала голос Ленки. Она плакала. Говорила кому-то по телефону: «Он сказал, что нужно ещё две процедуры. А у меня денег нет. И мама не даст. Если я остановлюсь, всё пропадёт. Я стану ещё хуже, чем была».

Я вышла, обняла её. Она уткнулась мне в плечо и ревела минут десять. А потом отстранилась, поправила идеальную причёску и сказала: «Только никому не говори. Я справлюсь. Это того стоит».

Но я видела её глаза. Они были пустые, словно из них выкачали все доброе и светлое».

Лена перестала видеть строчки — в глазах стояли слёзы. Она зажмурилась и откинулась на спинку дивана. Перед внутренним взором встала Настя — такая же уверенная, идеальная, с пустыми глазами? Нет, у Насти глаза живые, но... какие-то чужие. Стекланные.

Она открыла дневник и стала читать дальше. Записи становились всё короче, всё обрывочнее.

«10 ноября.

Я решила поговорить с доктором К. Сама. Пришла в его кабинет после уроков. Секретарша не хотела пускать, но я сказала, что по личному вопросу. Он принял меня. Сидел за огромным столом, улыбался. Спросил, что меня беспокоит. Я сказала: «Моя подруга». Он усмехнулся и ответил: «Ваша подруга стала красивее. Разве это плохо?» Я сказала: «Она стала несчастнее». Он посмотрел на меня долго, потом встал, подошёл к окну и сказал: «Красота требует жертв. Она ещё поймёт и скажет мне спасибо. А вы... вы боитесь. Это нормально. Но страх пройдёт».

Я спросила: «А вы сами делали себе эти процедуры?» Он обернулся, и я увидела его лицо в профиль. Идеальный нос, идеальный подбородок, идеальная кожа. Как маска. И вдруг мне показалось, что под этой маской — ничего. Та самая звенящая пустота, за которой нет ничего.

Я выбежала из кабинета и больше туда никогда не ходила».

Следующие несколько страниц были вырваны. Лена повертела дневник — остались только корявые зубчики бумаги. Кто-то намеренно уничтожил часть записей. Мама? Сама бабушка?

Дальше шли стихи. Много стихов. Лена пролистала их, задерживаясь на некоторых строчках. И вдруг наткнулась на одно, обведённое красным карандашом.

«Не верь, что лик твой — лишь обложка,

Что можно смыть и переплести.

Твоя душа — в тебе окошко,

Её от мира не спасти.

Не верь, что взгляд твой станет ярче

От тонны липкой мишуры.

Ты станешь статуей на фарсе,

Без права чувствовать внутри.

Беги от тех, кто обещает

Тебя слепить из глины вновь.

Твоё лицо не защищает,

Твою спасает только кровь.

Кровь сердца, что стучит неровно,

Кровь правды, что не знает лжи.

Не продавай себя за дешево,

Живи. Дыши. Не убежишь».

Лена перечитала стихотворение три раза. Строчки въедались в память. Она вдруг отчётливо поняла: это не просто стихи. Это завещание. Бабушка словно обращалась к ней через годы.

Она закрыла дневник и долго сидела, глядя в одну точку. Дождь за окном стих. В комнате стало темно, хотя на часах было всего четыре.

Телефон завибрировал. Сообщение от Алекса:

«Привет. Ты дома? Я рядом. Можно зайти?»

Лена замерла. С одной стороны, она не хотела его видеть после вчерашнего. С другой — сердце предательски ёкнуло.

«Заходи», — набрала она и пошла открывать дверь.

Алекс стоял на пороге промокший до нитки, без шапки, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу. В руках — пакет с шаурмой от Ахмеда и две банки колы.

— Мир? — спросил он, глядя на неё так, как умел только он — виновато и нежно одновременно.

Лена посторонилась, пропуская его внутрь.

— Проходи. Только у меня там... — она кивнула на диван, где лежал дневник.

Алекс вошёл, поставил пакет на тумбочку и увидел тетрадь.

— Это что?

— Бабушкин дневник.

Он удивился:

— Той самой? Твоей тётки?

— Ага. Садись, расскажу. Только переоденься, а то простудишься. Вон, халат на вешалке возьми.

Алекс стянул мокрую куртку, накинул мамин халат (ей он был маловат, Алексу — вприпрыжку, но смешно) и уселся на диван.

Лена коротко пересказала ему про доктора К., про Ленку-подругу, про стихи.

Алекс слушал молча, жевал шаурму и хмурился.

— И ты думаешь, это связано с нашими «учёными»?

— Не знаю, — честно сказала Лена. — Но слишком похоже. Те же обещания. Те же «улучшения». И те же пустые глаза после.

Алекс отложил шаурму и посмотрел на неё серьёзно:

— Лен, я вчера ходил на эту съёмку. И знаешь... там было странно.

— Что именно?

— Они снимали меня в разных ракурсах, а потом показывали на экране, как я буду выглядеть после всех процедур. И там, на экране, был... ну, я. Только какой-то... гладкий. Как будто всё лишнее убрали. И девчонки вокруг ахали: «Какой красивый!» А я смотрел и думал: это же не я.

Лена молчала, боясь спугнуть его откровенность.

— А потом, — продолжал Алекс, — я зашёл в туалет и увидел там одного парня из их команды. Он стоял и... плакал. Представляешь? Взрослый мужик, а плачет. Я спросил, что случилось. Он испугался, вытер глаза и сказал: «Ничего, соринка попала». Но я видел — не соринка. У него лицо было такое... потерянное.

Лена вспомнила бабушкины слова: «Глаза пустые».

— Алекс, — сказала она тихо. — Я боюсь за тебя.

Он взял её за руку. Ладонь у него была тёплая, несмотря на то что сам он только что пришёл с холода.

— Я тоже боюсь. За себя. Но ещё больше — что мы поссоримся.

— Мы не поссоримся, — ответила Лена. — Если будем честны друг с другом.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Они сидели на диване, пили колу, ели остывшую шаурму, а за окном снова начинался дождь. На столе по-прежнему лежал бабушкин дневник, открытый на странице со стихами, словно она сама слушала их разговор и улыбалась.

Поздно вечером, когда Алекс ушёл, Лена снова взяла тетрадь. Перечитала последние записи. И вдруг заметила то, что раньше упустила: на внутренней стороне обложки, почти незаметные, были карандашом написаны какие-то цифры.

Она присмотрелась — это был адрес. Улица, дом, квартира. И приписка: *«Здесь живёт правда. Если будет совсем страшно — иди туда».*

Лена переписала адрес в телефон.

За окном дождь закончился, и в разрыве туч показалась луна — холодная, круглая, словно бельмо на глазу.

Глава 5. Первое испытание

Утро воскресенья встретило Лену непривычной тишиной. Мама ещё не вернулась от тётки, в квартире было пусто и как-то слишком просторно. Лена лежала в кровати и смотрела в потолок, прокручивая в голове вчерашний разговор с Алексом. Он сказал, что боится. Но страх не остановил его — вечером, уже после ухода, он прислал сообщение: *«Записался на первое занятие. Завтра в пять. Не осуждай»*.

Она не ответила.

Встав с трудом, Лена побрела на кухню, сварила кофе и уставилась в окно. За стеклом всё так же моросило, но сквозь тучи уже пробивалось бледное солнце. «Как в кино про апокалипсис», — подумала она и вспомнила про дневник.

Он лежал на столе, там же, где они с Алексом ели шаурму. Лена взяла тетрадь и машинально пролистала до конца. Вчера она заметила адрес на обложке, но не проверила, есть ли что-то ещё. Может, внутри есть тайник?

Она осторожно ощупала обложку. Под бархатной тканью что-то угадывалось — тонкий прямоугольник. Лена взяла ножницы и аккуратно распоролла шов. Из-под ткани выпал сложенный вчетверо пожелтевший листок.

Это было письмо. Почерк тот же, бабушкин.

«Моя дорогая внучка, если ты читаешь это — значит, я уже не смогу рассказать тебе всё сама. И значит, история повторяется. Я всегда боялась этого дня. Тот человек, доктор К., не просто мошенник. Он — часть системы, которая уничтожает в людях душу, оставляя красивую оболочку. Я узнала это слишком поздно, когда моя лучшая подруга Лена покончила с собой. Да, это страшное слово. Она не выдержала давления, когда поняла, что процедуры необратимы и она никогда не будет прежней. Внешность стала лучше, а внутри — пустота. Её родители скрыли правду, сказали, что несчастный случай. Но я знаю. Я видела её перед смертью. Она сказала: „Я перестала быть собой“. Берегись, девочка. Если в твоей жизни появится кто-то, обещающий идеальную внешность, — беги. Или борись. Выбор за тобой. Но помни: красота без души — это маска. А маска рано или поздно спадает. Я оставила тебе адрес одной женщины. Она знает больше. Найди её, если будет нужно. Целую. Твоя бабушка».

Лена перечитала письмо два раза. Руки дрожали. Подруга бабушки покончила с собой? Этого не было в дневнике. Значит, бабушка сознательно не записывала самое страшное, спрятала в тайник.

Она посмотрела на адрес на обложке: улица Советская, 14, квартира 5. Это старый центр города, где ещё сохранились дореволюционные дома. Лена решила: сегодня же пойдёт туда и выяснит всю правду.

Но сначала нужно было сходить в школу. На понедельник назначили общий сбор — «презентация достижений» проекта «NewYou». Алекс сказал, что будет выступать.

В школе с самого утра царил странная атмосфера. В коридорах висели плакаты с улыбающимися лицами учеников, которые уже «преобразились». Среди них Лена узнала несколько старшеклассников — они действительно выглядели иначе: кожа сияла, глаза блестели, но взгляд казался направленным сквозь тебя.

Катя подлетела к Лене в раздевалке.

— Ты видела? Алекс сегодня будет на сцене! Он согласился стать лицом проекта! Это же круто!

— Круто? — Лена посмотрела на подругу. — Кать, ты в своём уме? Он станет подопытным кроликом.

— Ну почему сразу кроликом? Ему сделают классную внешность, у него будет ещё больше подписчиков. Он станет звездой!

— А если он перестанет быть собой?

Катя закатила глаза:

— Ой, Лен, опять ты со своей псевдо-философией. Люди меняются, это нормально. Вон, Настя уже через месяц стала красоткой. И ничего, не жужжит.

Лена ничего не ответила. Она нашла взглядом Алекса в толпе. Он стоял у окна в окружении Насти и ещё нескольких ребят. Настя что-то оживлённо рассказывала, касаясь его плеча. Алекс улыбался, но улыбка была какой-то чужой — словно до этого он несколько часов кряду репетировал её перед зеркалом.

Лена подошла.

— Алекс, можно тебя на минуту?

Он обернулся. В глазах мелькнуло что-то знакомое — тепло, которое сразу погасло под взглядом Насти.

— Лен, я сейчас занят. После линейки, ладно?

— Это важно.

— Всё важное потом, — отрезала Настя. — У Алекса сейчас интервью для школьного радио.

— Я не с тобой разговариваю, — Лена посмотрела на неё в упор.

Настя усмехнулась и демонстративно отвернулась.

Алекс вздохнул:

— Лен, правда, давай позже. Я обещал.

Он развернулся и ушёл вместе с Настей. Лена осталась стоять в коридоре, чувствуя, как внутри всё сжимается от обиды и бессилия.

Линейка началась с бодрой музыки. На сцену вышли те самые молодые учёные — парень и девушка в белых футболках. За ними выстроились «преображённые» ученики, включая Настю и ещё нескольких. Алекс стоял с краю, чуть в тени, но заметный.

Девушка-ведущая взяла микрофон:

— Друзья! Наш проект «NewYou» уверенно шагает по всей школе. Уже десять человек прошли первую ступень преобразования. И сегодня мы хотим показать вам, что же такое настоящая красота!

Она взмахнула рукой, и на экране за спиной появились фотографии «до» и «после». Лена смотрела на лица и не узнавала их. Те же люди, но словно стёртые ластиком — исчезли родинки, асимметрия, живые морщинки. Остались гладкие куклы.

— А теперь слово Алексу, нашему новоиспечённому амбассадору!

Алекс вышел вперёд. В зале захлопали, кто-то даже засвистел. Он улыбнулся той самой отретипированной холодной улыбкой и заговорил:

— Я всегда думал, что внешность не главное. Но знаете, когда тебе показывают, каким ты можешь стать, — это как откровение. Это не про то, чтобы быть ненастоящим. Это про то, чтобы стать лучшей версией себя. Я пробую — и вам советую.

Лена смотрела на него и не верила своим ушам. «Лучшая версия себя»? Он что, правда в это верит?

После линейки она поймала его в коридоре.

— Алекс, остановись. Ты понимаешь, что они делают? Это же манипуляция!

— Лен, хватит. — Он посмотрел на неё устало. — Ты ничего не понимаешь в этом. Это мой шанс.

— Шанс на что? Стать пластиковой куклой?

— Стать успешным! — вдруг выкрикнул он. — Ты думаешь, легко быть блогером, когда у тебя обычная внешность? Все эти Насти собирают миллионы просмотров просто потому, что красивые. А я пашу как лошадь, и у меня стагнация. Я хочу прорыва. Что в этом плохого?

— А если после этих процедур ты не сможешь вернуться назад?

— Вернусь. Это же не навсегда. Коррекция, не более.

— Откуда ты знаешь? Ты читал мелкий шрифт в договоре?

Алекс замялся. Этого Лена и добивалась.

— Ты даже не читал, да? — спросила она тихо.

— Там всё нормально, — буркнул он. — Настя читала.

— Настя! — Лена не выдержала. — Ты теперь Насте доверяешь даже больше, чем мне, лучшей подруге?

— Лен, не начинай. — Он отвернулся. — Мне правда пора.

И парень ушёл, оставив подругу в коридоре, совершенно одну.

Лена стояла, прислонившись к стене, и боролась с желанием разрыдаться. Тут из ниоткуда подошёл... Денис.

— Вижу, разговор не задался, — сказал он спокойно. — Пойдём, покажу кое-что.

Он привёл её в пустой кабинет на третьем этаже, где обычно хранили старые парты, и вытащил из рюкзака папку с бумагами.

— Это то, о чём я говорил. Статьи про доктора К. из девяностых. Его клинику закрыли после смерти пациентки. Официально — несчастный случай. Но моя сестра нашла в интернете форум, где люди писали, что процедуры были необратимы. Он просто исчез. А теперь, судя по всему, вернулся под новым названием. «NewYou» — это его проект.

Лена пролистала распечатки. На одной из них была фотография — мужчина в очках, с идеальным лицом. Тот самый доктор К. Она почувствовала, как мороз пробежал по коже.

— Это он? — спросила она.

— Похоже. Сравни логотипы, — Денис показал на старую газетную вырезку и на буклет «NewYou». Один и тот же шрифт, один и тот же стиль.

Лена вспомнила бабушкино письмо: «Он — часть системы, которая уничтожает в людях душу».

— Денис, мне нужно съездить по одному адресу. Прямо сейчас.

— Тогда я с тобой. Погнали.

Они выскользнули из школы незаметно, никто и внимания не обратил. Старый город находился на окраине, туда ходил только один автобус. Через полчаса они уже стояли перед обшарпанной трёхэтажкой с облупившейся штукатуркой. На табличке значилось: «Советская, 14».

В подъезде пахло кошками и сыростью. Квартира 5 находилась на втором этаже. Лена позвонила. Долго никто не открывал. Она уже хотела уходить, как дверь скрипнула, и на пороге появилась старушка в цветастом платке.

— Вы к кому? — спросила она сипло.

— Здравствуйте. Я ищу... — Лена замялась. — Моя бабушка, Елена Орлова, оставила этот адрес. Сказала, здесь живёт человек, который знает правду о докторе К.

Старушка вдруг изменилась в лице. Она отступила на шаг и взглядела в Лену:

— Похожа. Проходите.

Внутри квартира оказалась маленькой, заставленной старой мебелью. На стенах висели чёрно-белые фотографии. На одной из них Лена узнала свою бабушку — молодую, с косичками, рядом с такой же девушкой.

— Это Лена, — старушка показала на другую девушку. — Моя сестра. Мы были подругами с твоей бабушкой. Я — Нина Ивановна.

Лена ахнула:

— Та самая Лена? Которая...

— Которая не выдержала, — перебила старушка. — Да. Она моя сестра. Я всё знаю. Твоя бабушка приходила ко мне много лет назад, просила рассказать правду. Я рассказала. А потом она спрятала письмо для тебя. Я думала, уже не дождусь.

— Что случилось с доктором К.? — спросил Денис.

Нина Ивановна тяжело опустилась на стул:

— Он исчез после смерти Лены. Но я знаю, что он не успокоился. Такие люди не успокаиваются. Они меняют вывески, но суть остаётся. Теперь он снова здесь, я видела его по телевизору. Всё твердит про свои «новые технологии», про перспективную «молодёжь». Только лицо у него всё такое же гладкое, как маска. Он сам себе сделал операцию и теперь не может ни плакать, ни смеяться по-настоящему.

Лена сжала кулаки:

— Что же теперь делать? Мой друг... он собирается участвовать в этом.

— Останови его, пока не стало слишком поздно, — сказала Нина Ивановна. — Первая процедура — это ловушка. После неё начинается зависимость. Они вводят микрокапсулы, которые постепенно растворяются, и, если не продлевать — внешность портится ещё сильнее. Человек становится заложником.

— Но как это доказать? — спросил Денис.

— В договоре это записано мелким шрифтом. Но кто же читает договоры?

Лена вспомнила слова Алекса: «Настя читала». Настя явно была в курсе.

— Спасибо, Нина Ивановна, — сказала Лена. — Мы попробуем всё исправить.

Они вышли на улицу, когда уже темнело. Лена достала телефон — пропущенный вызов от Алекса и сообщение:

«Лен, я подписал. Завтра первая процедура. Прости, если что не так. Я должен рискнуть. Ради подписчиков».

Сердце девочки ушло в пятки. Она набрала его номер — абонент был недоступен.

— Завтра в пять, — прошептала Лена. — У нас меньше суток, чтобы что-то изменить.

— Что будем делать? — встревоженно спросил Денис.

Лена посмотрела на тёмное небо. Где-то там, за облаками, пряталась луна — та самая, холодная и круглая, как бельмо. Но Лена чувствовала, что внутри неё разгорается огонь. Тот самый, о котором писала бабушка: «Кровь сердца, что стучит неровно».

— Найдём способ остановить это манекенное нашествие безумия, — сказала она. — Я не отдам его этим кукловодам.

Глава 6. Подготовка

Утро вторника началось с того, что Лена проснулась с твёрдым решением: она больше не могла сидеть и ждать у моря погоды. Если Алекс решил лезть в эту мясорубку, она не будет сидеть сложа руки. Но что она может сделать? Переубедить лучшего друга одними словами не вышло от слова совсем. Значит, нужны радикальные меры — реальные действия.

Лена села за стол, открыла ноутбук и начала набрасывать план. Школьный фестиваль, о котором говорила учительница, — через две недели. Если успеть сделать стенд, посвящённый поэзии, настоящей, живой, без прикрас — может, это заставит кого-то задуматься? Хотя бы тех, кто ещё не окончательно попал под влияние «NewYou».

В школьном коридоре её перехватил Денис.

— Ну что, есть идеи? — спросил он, жуя яблоко.

— Есть. Хочу сделать стенд о поэзии на фестивале. Показать, что красота — не только внешняя.

Денис присвистнул:

— Амбициозно. И кто тебе поможет в этом мероприятии?

— Ты, например. — Лена посмотрела на него в упор. — Ты же говорил, что не любишь, когда людей разводят.

— Говорил. — Он усмехнулся. — Ладно, я в деле. Что нужно?

— Искать материалы. Стихи, цитаты, maybe, какие-то истории. И ещё — мне нужна информация про «NewYou». Всё, что сможешь нарыть. Статьи, отзывы, договоры.

— Договоры — вот это задачка со звездочкой, — Денис напряженно поморщил лоб. — Но, помнится, у моей сестры оставались кое-какие бумаги. Попробую раздобыть.

И они разошлись по урокам. Лена весь день ловила себя на том, что смотрит на дверь — не появится ли в проеме классной комнаты ее родной Алекс. Но его так и не было. В столовой она услышала обрывки разговоров: «Алекс сегодня на процедуре», «Он теперь будет, как звезда», «Настя сказала, что после первого сеанса уже видно».

К обеду Лена не выдержала и написала ему: «Ты как?»

Ответ пришёл через час: «Норм. Всё ок. Потом расскажу».

«Потом» — это слово резануло. Раньше у них не было «потом», всегда было чёткое и ясное «сейчас».

После уроков девочка решила зайти в школьную библиотеку. Там, в тишине, пахнувшей старыми книгами и пылью, она просидела около двух часов, перебирая сборники стихов. Ахматова, Цветаева, Пастернак, Бродский. Строчки цепляли, но ей всё же хотелось чего-то более близкого, понятного подросткам. Может, поискать среди современных поэтов? Она записала несколько имён и полезла в интернет.

Выходя из библиотеки, столкнулась с Катей.

— Ленка! Ты чего тут сидишь? Там такое! — Катя аж подпрыгивала на месте. — Алекс вернулся! Он в актовом зале, все смотрят. Пойдём скорее!

Лена побежала за ней, хотя сердце колотилось где-то в горле.

В актовом зале было полно народу. На сцене стоял Алекс — и Лена не поверила своим глазам. Он был... нет. Это был уже не Алекс, словно кто-то другой стоял там, под прожекторами софитов, вместо ее лучшего друга. Нет, черты лица, конечно, были всё те же, но кожа словно светилась изнутри, глаза стали ярче, а улыбка — шире некуда. Идеальная улыбка акулы, как у голливудской звезды.

Настя была тут же, висела на его плече, сияя ничуть не хуже.

— Знакомьтесь, — провозгласила она, — наш новый Алекс! Первая процедура прошла успешно. Через месяц он будет неузнаваем!

Зал заплодировал. Алекс смущённо улыбнулся и помахал рукой. Его взгляд скользнул по толпе и на секунду задержался на Лене. В этом взгляде было нечто... чужое. Как будто он смотрел на неё сквозь толщу стекла.

Лена вышла из зала, не дожидаясь конца презентации.

Когда она пришла домой, то мгновенно рухнула на кровать и уставилась в потолок. В голове крутилась одна мысль: «Это не он. Это уже не он». Потом девочка вдруг вскочила, словно ужаленная, в очередной раз достала бабушкин дневник и письмо. Перечитала только последние строки: «Красота без души — это маска. А маска рано или поздно спадает».

Телефон зажужжал. Денис прислал сообщение: «*Кое-что нашёл. Скидываю*».

В приложении открылся pdf-файл — скан договора «NewYou». Лена впиалась глазами в мелкий шрифт. Пункт 14.3 гласил: «*Клиент уведомлён, что результаты процедур носят накопительный характер и требуют регулярного поддерживающего воздействия. Прекращение поддержки может привести к частичной или полной обратимости эффекта, а также к непредсказуемым изменениям внешности*».

— Вот оно, — прошептала Лена. — Чисто западня.

Она переслала документ Алексу с подписью: «*Прочти. Особенно пункт 14.3*».

Ответ пришёл через полчаса: «*Лен, я знаю. Настя объяснила. Это нормально, надо просто вовремя продлевать. Всё пучком*».

«Настя объяснила». Эти два слова ударили сильнее всего. Теперь её Алекс, этот некогда весёлый шалопай, доверяет этой кукле больше, чем ей, Лене.

Ночью девочка так и не смогла уснуть. Она сидела за столом и продолжала рисовать, будто медитируя на одном и том же навязчивом образе, застрявшем в голове. Не Алекса, не закат — а девушку с пустыми глазами, которая бесконечно смотрится в зеркало и не видит себя. Рисунок получался страшным, но жутко правдивым.

Утром Лена пришла в школу уже с конкретным твёрдым намерением. На большой перемене она отыскала в коридоре Дениса и высказала, что было у неё на уме.

— Мне нужна помощь с поиском людей, которые уже пострадали от этой конторы. Теперь мы ищем Свидетелей.

— Есть одна девушка, — вдруг поделился Денис. — Из другой школы. Она прошла полный курс год назад, а теперь не может смотреть на себя в зеркало. Я спрошу, согласится ли она поговорить.

— Внезапно. Но я рада, что мы можем привлечь её к нашей операции по спасению. И ещё кое-что: ставки растут — теперь нам нужно сделать стенд максимально убедительным. Не только стихи. Факты, свидетельства, предупреждения — сплошные точные пружины.

— Это уже серьёзно, — Денис посмотрел на неё с неподдельным уважением. — Лен, ты реально крутая.

— Я просто не хочу потерять друга, — тихо прошептала она в ответ, незаметно смахнув случайно блеснувшую в свете полуденного солнца слезинку с ресниц.

В обед они встретились в библиотеке. Денис принёс распечатки с форумов, где люди делились своим опытом взаимодействия с корпорацией доктора К. Лена читала, и волосы шевелились на её голове с каждой строчкой всё ошутимей: «После первой процедуры кожа стала лучше, через месяц потребовали вторую, потом третью, я влезла в долги, а теперь выгляжу хуже, чем до начала», «Моей подруге сделали губы, через полгода они стали асимметричными, теперь она платит за коррекцию, но обещают только временный эффект», «Это наркотик, только для внешности».

— Нам нужно сделать так, чтобы это увидело как можно больше людей, — сказала Лена. — Фестиваль — отличный повод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.